

А.Г. Разумовская

Художественная интеллигенция в Холомках и Бельском Устье

Есть на Псковской земле место, уникальное скрещением судеб многих талантливых людей XX в., - Холомки и Бельское Устье в Порховском районе. Усадьба Холомки, построенная в 1914 г. по проекту И.А. Фомина, принадлежала князю А.Г. Гагарину, выдающемуся инженеру и математику, строителю и первому ректору Петербургского Политехнического института. Художник В. Милашевский в воспоминаниях так запечатлел Холомки и их окрестности: «Имение Холомки - нестарая дворянская усадьба. Она построена была скорее как некое палаццо для отдыха, а совсем не для извлечения дохода. Строил его Иван Фомин, один из самых прогрессивных архитекторов дореволюционной эпохи. Петербургский классицизм Николая II - так некоторые называли этот стиль... Все уже модернизировано в смысле быта. Комнаты для членов большой семьи и гостей! Много света, большие окна! Почти нет этих «двор, куртины, кровли и забор». Он вырос прямо в лесу... И нет еще к нему настоящей барской дороги. Так, проселочек между бугорками, холмиками! Но с балкона с ротондой, с коринфскими колоннами прекрасного ордера открывается чудесный вид! В двух шагах протекает река Шелонь. Онегино-ларинский пейзаж! Мягкий, музыкальный по своим негромким, но ласковым формам!»¹

Бельское Устье - «соседнее имение, выстроенное в стиле «Руслана и Людмилы» - поместье Н.И. Новосильцова с домом, построенным по проекту И.П. Ропета. Вот как описывает его Н. Чуковский: «Новосильцовский дом стоял в двух верстах от Холомков - длинная деревянная двухэтажная постройка с просторными комнатами,

паркетом и полным отсутствием мебели... От Холомков к Бельскому Устью вела длинная березовая аллея. Дом Новосильцовых одним фасадом был обращен в яблоневый сад, другим - к бесконечным полям, где блестели изгибы Шелони и чернели деревни. Между домом и рекой стояла церковь, построенная в XVIII веке».²

Здесь, в живописной долине реки Шелони, в 1920-21 гг. расположилась колония Дома Искусств,³ где, спасаясь от голода, поселились петроградские писатели, поэты, художники: К. Чуковский, М. Добужинский, В. Ходасевич, В. Милашевский, Е. Замятин, М. Зощенко, О. Мандельштам, Н. Радлов и др.

В одном из писем 1921 г. В. Ходасевич писал: «По случаю коммунистического строя сделался я помещиком... У нас нет ни единой комнаты с целыми рамами, в потолках пули, обои в клочьях. Спим на сенниках, мебель анекдотическая, смесь ампира, лишенного обивки (в ней ходят невесты в окрестных деревнях), с новыми табуретками, пахнущими смолой. Живем во 2 этаже, ибо нижний разгромлен слишком. Зато у нас великолепный вид верст на 15 в даль, у нас церковь и кладбище в ста шагах, у нас аисты, радуги, паровая мельница, агроном, мастер по части жестоких романсов, у нас - плачьте несчастные! - 1500 собственных яблонь, согнутых от яблок».⁴ Позднее В. Ходасевич вспоминал: «Жили там совершенно Робинзонами. В доме было комнат двенадцать - только в трех сохранились оконные стекла. Кроватей было всего три. Спали на полу, на сене. Одна почтенная писательница... устроилась в выдвинутом ящике большого комода. Был диван, было несколько столов и 0 стульев. Было несколько мягких кресел, с которых обивка была сорвана и пошла на туалеты местных престлестниц, так что семья одного мужика пред-

Разумовская Аида Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М. Кирова.

ставляла собою как бы разбежавшуюся голубую гостиную, а семья другого - гостиную розовую».⁵

Другой летописец коммуны, Н. Чуковский, в своих воспоминаниях отмечал: «Новоприбывшие разместились в пустом доме кто как мог: на топчанах и просто на полу. Нельдихен устроился на террасе с перебитыми стеклами в длиннейшем ящике из-под яиц. Заглянул я как-то в этот ящик, смотрю, лежит он там на спине, на стружках, выставив вверх острые колени, в гоголевской крылатке, в галстук бабочкой... Н.Э. Радлов решил преобразить внутренность новосильцовского дома и принялся расписывать его голые стены огромными фресками. Мы с жадным вниманием следили за его работой, быстро продвигавшейся вперед - каждый день появлялась новая фреска. На этих уморительно смешных фресках изображены были мы сами - и Нельдихен в крылатке, и изысканный Лозинский, и Добужинский, и мой отец, и стремительный Лева Лунц, и Гагарины, и Замятин, и маленький Ходасевич с челкой на лбу, в пенсне, с брезгливой улыбкой на крохотном личике».⁶

Материальное существование членов коммуны, поселившихся здесь, чтобы прокормиться, было сносным, поскольку в деревне царствовал «натуральный обмен», а колонисты были об этом заранее осведомлены. «Валютой» были ткани, одежда, посуда, хозяйственные мелочи. «За скатерть можно было получить двухмесячный абонемент на молоко, за кусок мыла - курицу и десяток яиц, за бутылку одеколona - мешок муки... Кто-то выменял граммофон на барана».⁷

В одном из писем 1921 г. В. Ходасевич писал: «У нас всего две коровы, дающие слишком мало молока. Приходится его выменивать частным образом у туземцев, падких на ситец, иголки, нитки, табак, сахарин, бусы и прочее, но решительно не признающих денежного обращения. Поэтому привезены нами товары из Петербурга».⁸ В шуточном стихотворении М.В. Добужинского «Холомки» воспроизводится этот акт товарообмена:

... Уже жена моя

С помощницей своею, Fгdulein Анной,
Беседой важною с крестьянкой занята:
Вопрос серьезный - этой соль нужна,
А нам хотелось бы иметь яичко.
(Что деньги? - звук пустой, гласит молва,
А ныне разве это неприлично?).⁹

Многочисленная семья К. Чуковского выменяла мешок гвоздей и четыре стальные косы на четыре мешка ржи. Анекдотический случай произошел с Мандельштамом, о чем вспоминал В. Милашевский: «Он привез из Петрограда двенадцать женских головных платков желтого цвета и два отреза полубумажной материи для брюк в мелкую клетку. Товар успеха не имел, напрасно Осип Эмильевич уверял псковитянок: «Посмотрите же, это очень красивые платки и прекрасного цвета!» Ничего не действовало, брать платки и обменивать на простой продукт, хлеб, сало землячки Пушкина отказывались: «Да что вы! Засмеют все!». Желтый цвет был нелюбимым цветом... Та же неудача постигла и у парней. Все парни мечтали носить брюки такие же, как носил Добужинский, то есть в тонкую полоску, а клетка была для них непредвиденной неожиданностью».¹⁰

Жили в колонии весело: устраивались общие прогулки, писались эпиграммы, рисовались карикатуры, по вечерам устраивались танцы. «Открывались все двери, зажигались керосиновые лампы, местный агроном с лицом Козьмы Прутковка играл на гармонии, и устраивалась грандиозная кадрили. В первой паре шел Замятин с княжной Софьей Андреевной, за ними задравший рясу дьякон с Мусей Алонкиной, за ними князь Петя с поповной Лидой... за ними Милашевский с Женей Вихровой, затем Нельдихен с дочкой дьякона. М.Л. Лозинский с Оношкович-Яцыной, Зоценко с учительницей из деревни Захонье. Всем распорядился тонкий, стройный, изысканно-изящный Радлов, громко возглашавший:

- Шанже во дам! Гран ронд!

И пары двигались среди выбитых окон, мигающих огней, мелькающих теней, между чудовищными фресками, украшавшими стены».¹¹

Писатели и художники не только развлекались в столь экзотических условиях, но и добывали себе пропитание. «Председателю колонии» К. Чуковскому приходилось целиком предаваться хозяйственным заботам («Я стал форменным приказчиком Колонии... Я ничего не пишу», - признается он в дневнике).¹² Художник Б. Попов взялся распахивать пустыри. По воспоминаниям В. Милашевского, «он арендовал лошадей, плуг и борону. Жители окрестных сел сошлись смотреть: что-то будет?»

И вот Борис стал пахать. Бородачи в рубашках бордовых, малиновых, розовых, зеленых, синих, белых, некоторые в «спинжаках» с бородами черными, желтыми, синеистыми, соловыми, сизыми и рыжими уселись под яблонями амфитеатром.

Первая полоса, конечно, была вихлястая, но потом, начиная со второй, третьей, полосы ложились с аккуратностью, чистотой и твердостью петербургского графика.¹³ Сам В. Милашевский «с удивительной ретивостью» выполнял роль коменданта яблоневого сада. «Когда яблони начали поспевать, он построил себе между яблонь шалаш и сидел там днем и ночью, наблюдая за тем, чтобы деревенские мальчишки не крали яблок. Против мальчишек он вел правильную войну, устраивал ловушки, за сады, с бешеным увлечением гонялся за ними, крича и перепрыгивая через заборы».¹⁴

Колонисты занимались и просветительской деятельностью: читали публичные лекции (например, К. Чуковский пишет о лекции, посвященной Достоевскому, в детской библиотеке), поставили в Порхове спектакль по «Скупому рыцарю» А.С. Пушкина. Один из эпизодов отражен в воспоминаниях В. Милашевского: «Бумажка за подписью Горького показывалась в исполнении города Порхова, умиляла порховские власти, и они отпускали нам пайки - крупы, муку и махорку.

Выписывая ведомость, власти легонечко, деликатненько намекали, что за это ждут от нас культурно-просветительской работы среди местного населения. Во исполнение этой нашей «культурной миссии» и решено было поставить спектакль «Скупой рыцарь» Пушкина.

Об этом было объявлено всему окрестному населению.

Мы принялись за дело: Добужинский взял на себя исполнение роли Скупого рыцаря, я - работу по декорационному оформлению...

Перед спектаклем я произнес вступительное слово и объяснил некоторые непонятные выражения.

Потом, после спектакля, поэт Владислав Ходасевич возмущался:

- Что это за вульгаризация и этот ваш казарменный стиль: нимфы... как вы сказали? «Девки голяком или нагишом»?

- Владислав Фелицианович! Да ведь если бы вы объяснили, они ничего бы не поняли, а у меня все поняли.

Когда Добужинский произнес знаменитое: «лишь захочу... в великолепные мои сады сбегутся нимфы резвою толпою...» - девицы все фыркнули: «Ох, мамоньки!». А их кавалеры смачно и веско пробурчали: «Вот эт-то да!»

Фурор был полный.

- Но фурор, заметьте, только после моих «казарменных объяснений», - ехидно заметил я изошренному пушкинисту...

Все были довольны. Довольны «актеры», для которых этот спектакль был событием. Довольны власти в Порхове, довольны зрители, хотя некоторым из них пришлось прийти верст за десять».¹⁵

Для многих пребывание в Холомках и Бельском Устье было плодотворным в творческом плане. Поэт Владислав Ходасевич провел здесь август и сентябрь 1921 г., но этот короткий период его жизни был интенсивен. Художник В. Милашевский признавался: «Благословенное лето 1921 года! Я стал в это лето художником!»,¹⁶ имея в виду рождение новых принципов в собственном искусстве. Холомки явились значительным источником разнообразного творчества М. Добужинского, в том числе литературного:

... И вот я в роще. О, Верейский,
И ты, Кустодиев! Зачем не в Холомках вы?
Зачем не видите осенней рощи сей,
Ее запечатлеть никто другой не сможет!
И я не мог. И описать смогу ли?
(из стихотворения «холомки»)¹⁷

Но для других «обдиков»* Псковская земля не стала источником творческого вдохновения, поэтому «порховский период» их жизни не нашел отражения ни в письмах, ни в стихах или прозе. Так, Михаил Зощенко, «печальный, тихий субъект, неохотно знакомящийся с другими» (В. Милашевский), лишь одиноко бродил вдоль Шелони. О. Мандельштам пробыл в Холломках несколько дней, но его не взволновали псковские пейзажи. Зато его стихи в это лето были основным поэтическим фоном жизни интеллигенции. «Мы все были в восторге от этих неконкретных, почти замумных строчек, и скоро цитирование их вылилось в некую игру».¹⁸

Так прошел август 1921 г. - трагический для русской поэзии месяц, когда умер А. Блок и был расстрелян Н. Гумилев. В архиве К. Чуковского есть письмо Е. Замятина, в котором тот сообщает о смерти Блока: «Вчера в половине одиннадцатого утра - умер Блок. Или вернее: убит пещерной нашей, скотской жизнью. Потому что его еще можно - можно было спасти, если бы удалось вовремя увезти за границу. 7 августа 1921 г. такой же невероятный день, как тот - 1837 года, когда узнали: «убит Пушкин». А в дневнике К. Чуковского 12 августа сделана запись: «*Никогда в жизни* мне не было так грустно... Мне казалось, что вот в Порхов я поехал молодым и веселым, а обратно еду - старик, выпитый, выжатый - такой же скучный, как то проклятое дерево, которое торчит за версту от Порхова... Я даже не думал о нем, но я чувствовал боль о нем... Самое страшное было то, что с Блоком кончилась литература русская. Литература - это работа поколений - ни на ми-

нуту не прекращающаяся - сложнейшее взаимоотношение всего печатного с не умирающей в течение столетий массой - и... [строка не дописана. - *А.Р.*].¹⁹

11 августа Вл. Ходасевич написал второе стихотворение цикла «Из окна», запечатлев в нем свои чувства:

Все жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Земля на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром - лишнюю свечу.

Этот небольшой «пятачок русской земли» (В. Милашевский) в сознании побывавших там стал символом России и отразился в художественных произведениях, но более всего - в памяти многих людей. Они с нежностью вспоминали о Холломках, очарованные чистотой русского пейзажа и русской деревней. К. Чуковский в дневнике записал: «18 февраля 1921 г. Холломки. Вообще, я на четвертом десятке открыл деревню, впервые увидел русского мужика. И вижу, что в основе это очень *правильный* жизнеспособный несокрушимый человек, которому никакие революции не страшны. Главная его сила - доброта».²⁰ М. Добужинский, уже за границей, делая иллюстрации к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, воспроизвел окрестности Холломков.

* обитатели Дома искусств

Примечания

1. Милашевский В. Вчера, позавчера... М.,1989. С.227.
2. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М.,1989. С.96.
3. В первые послереволюционные годы в Петрограде по инициативе М. Горького был создан «Дом искусств» - важное в культурной жизни города учреждение и общежитие петроградских литераторов и художников, не имевших крова. «Дом искусств» и его обитатели запечатлены в мемуарной литературе: воспоминаниях Ю. Анненкова, Е. Замятина, В. Каверина, И. Одоевцевой, Вл. Милашевского, Н. Берберовой и др., а также в романе О. Форш «Сумасшедший корабль».
4. Ходасевич В. Письмо к Диатроповым от 16 августа 1921 г. // Наше наследие, 1988, № 3. С.89.
5. Ходасевич В. Поездка в Порхов // Литературное обозрение, 1989, № 11. С.106.
6. Чуковский Н. Литературные воспоминания... С.96.
7. Ходасевич В. Поездка в Порхов... С.106.
8. Ходасевич В. Письмо к Диатроповым... С.89.
9. Добужинский М. Воспоминания. М., 1987. С.435.
10. Милашевский В. Указ. соч. С.231.
11. Чуковский Н. Литературные воспоминания... С.98.
12. Чуковский К. Дневник 1921 года // Новый мир, 1990, № 8. С.146.
13. Милашевский В. Указ. соч. Сс.167-168.
14. Чуковский Н. Литературные воспоминания... С.95.
15. Милашевский В. Указ. соч. Сс.167-168.
16. Там же. С.236.
17. Цит. По кн.: Добужинский М. Воспоминания... С.435.
18. Милашевский В. Указ. соч. С.235.
19. Чуковский К. Дневник 1921 года... С.147.
20. Там же. С.134.